

Жун Лоюнь покачал головой, возможно, старший брат ошибся, учитель тоже ошибся, а Ду Чжун просто пошутил. Он вышел из-под навеса, дождь смочил его ресницы, он шатался, подходя к тому человеку.

— Ду Чжун, не шути со мной.

Его голос был полон печали.

— Ответь ещё раз, кто ты на самом деле?

Хо Линьфэн был в смятении, он схватил Жун Лоюня за плечи:

— Господин, прости меня.

Он проклинал себя, почему не признался раньше? Вчера он колебался, сегодня утром сомневался, и теперь оказался в тупике.

Жун Лоюнь упрямо спросил:

— Ты Ду Чжун?

Его сердце разрывалось, но он мог только отрицать:

— Я Хо Линьфэн...

В тот момент глаза Жун Лоюня потухли.

Не Ду Чжун, а Хо Чжун; острова Чжоша не существует, есть только ресторан «Чжоша» в Сайбэй; вымышленный учитель-странник, брат, с которым он делил жизнь, — всё это было ложью. Имя, происхождение, история — всё было ложью.

Всё это время, всё это...

...всё было ложью.

Жун Лоюнь тихо сказал:

— Но вчера ты обещал не обманывать меня.

В этой искусно сплетённой лжи он обещал не обманывать его, считая его самым большим дураком на Сицзяньлине?

Хо Линьфэн поспешно возразил:

— Это не так, нет!

Он понизил голос.

— Я совершил тысячу ошибок, ты можешь бить и ругать меня, только прости меня на этот раз... Я больше никогда не буду тебя обманывать.

Жун Лоюнь резко ответил:

— Я тебе не верю!

Он вырвался.

— Твоя забота, внимание, любовь — всё это было лишь для того, чтобы завоевать моё доверие!

Хо Линьфэн объяснил:

— Сейчас мои чувства к тебе настоящие! Они настоящие!

Жун Лоюнь возразил:

— Сейчас? А что насчёт начала? Когда ложь превратилась в правду, ты сам можешь это понять? Как ты можешь знать, что в тот момент, когда ты притворялся, я не испытывал к тебе чувств? Как ты можешь знать, что в тот момент, когда ты лгал, я не был искренен?

Эти слова, как ножи и стрелы, поразили Хо Линьфэна, он не мог вымолвить ни слова.

— Жун Лоюнь...

Он назвал его имя впервые, и это произошло в такой ситуации. Затем он почти шёпотом спросил:

— Ты больше не хочешь меня?

Жун Лоюнь дрогнул:

— Счастье, которое дал Ду Чжун, забери с собой, генерал Хо.

Хо Линьфэн снова спросил:

— Ты больше не любишь меня?

Жун Лоюнь холодно ответил:

— Какая любовь? Это просто я, Жун Лоюнь, был слеп.

Он развернулся и пошёл по улице, больше не обращая внимания на преследующего его Хо Линьфэна. Дождь не прекращался, но чувства рассеялись, как ветер, в грудь ворвался холодный порыв. Улица была пуста, воспоминания всплывали перед глазами, он шёл с трудом.

Однажды на закате они стояли у входа в зал, разговаривая о пустяках.

Однажды ночью они шли под зонтом, неся фонарь, за ними следовала лошадь, виляя хвостом.

Однажды днём они смеялись и гонялись друг за другом, держа в руках воздушного змея.

Воспоминания были как спектакль, яркий и живой, искренний и трогательный, но сейчас он закончился. Жун Лоюнь шёл один, его мысли были далеко, он торопился уйти.

Потому что нельзя было оставаться, ни в коем случае нельзя было оставаться.

Что было сделано нарочно, чтобы его разозлить, а что было искренним, он не мог понять. Были ли его признания в любви настоящими или просто способом узнать больше?

В карете они спали, держась за руки, в Чаньском дворе они провели несколько дней и ночей, от спасения жизни до завязывания шнурков на одежде, что было правдой, а что ложью? В тот

день на лодке в пруду, когда он обнимал его, смотрел на него, была ли эта забота искренней или просто попыткой выведать больше?

Объятия, поцелуи, что это было?

Жун Лоюнь не мог понять и не мог поверить. Он дошёл до Безымянной обители, вошёл во двор, на крыше щебетали сороки, а в клетке ворковал голубь, но он смотрел на навес с мёртвым взглядом.

В тот раз, когда они вернулись с озера Линби, Хо Линьфэн ворвался, чтобы принести рыбу, действительно ли это было только для этого?

Он шаг за шагом приближался, но уже было поздно, он молча вошёл в зал. На столе стоял ручной фонарь с бамбуковой ручкой, на стене висел воздушный змей «Ласточка», на маленькой кровати в спальне лежал шёлковый веер с вышивкой, а во дворе в пруду плавали карпы и цвели цветы.

На письменном столе лежал свиток с техникой.

Техника Запечатывания Дыхания... Вор, который проник ночью во Дворец Буфань, тоже был Хо Линьфэном?

Жун Лоюнь тихо вздохнул, его Безымянная обитель была простой и скромной, но понемногу тот человек оставил в ней столько следов. Если бы он был счастлив, эти следы стали бы воспоминаниями, но сейчас они были лишь мукой.

Он сел на кровать, сгорбившись, сжав руки в кулаки. Ду Чжуна больше не было, что значили его добрые отношения с ним, кто был Ду Чжун, которого он любил всем сердцем?

Жун Лоюнь закрыл лицо руками, его Ду Чжун оказался лишь сном.

Дождь усилился, Жун Лоюнь лёг на кровать, не снимая одежды, он чувствовал себя обиженным, несправедливо обманутым, его сердце разрывалось! Он уткнулся лицом в подушку, сжимая кулаки, готовые разорвать одеяло, его грудь вздымалась, но он не мог успокоиться.

Приближались шаги, он оцепенело посмотрел на дверь.

— Второй брат, второй брат!

Дяо Юйлян вбежал в комнату, остановившись у двери.

— Ду Чжун, нет, Хо Линьфэн ушёл.

Жун Лоюнь кивнул, безразлично перевернувшись на другой бок. Дяо Юйлян опустил на колени у кровати:

— Второй брат, он действительно ужасен! Он всё время нас обманывал, мы не можем его простить!

Жун Лоюнь закрыл глаза:

— Четвёртый брат, я хочу немного поспать.

Дяо Юйлян накрыл его одеялом и быстро убежал. Жун Лоюнь открыл глаза, беспокойно глядя на занавески, Хо Линьфэн ушёл, Ду Чжун тоже ушёл...

У подножия горы Лэнсан Хо Линьфэн ехал впереди на лошади, за ним следовал Ду Чжэн, хозяин и слуга покидали Дворец Буфань.

— Тпру!

Хо Линьфэн остановил лошадь, оглянувшись на ворота дворца, он хотел бы пройти сквозь тысячи гор, чтобы увидеть тот далёкий дворик.

Ду Чжэн спросил:

— Молодой господин, куда мы едем?

Куда? Резиденция генерала на западе города была давно готова, теперь пора было туда отправиться. Хо Линьфэн заставил себя собраться, пора ехать, магнолия в саду так и не дождалась своего цветения.

Он ударил кнутом, Дворец Буфань постепенно исчезал вдаль, он тоже удалялся.

В городе было много дорог, как только в резиденции генерала появились признаки жизни, чиновники всех мастей поспешили нанести визит. Однако ворота были закрыты, и казалось, что хозяин не желает никого видеть.

Генерал Хо не только не хотел никого видеть, он даже не взглянул на дворы и сады, на каждую травинку и дерево. Он выбрал комнату и поселился там, Ду Чжэн растирал тушь, он с трудом написал доклад.

— Отправь его в Чанъань, — приказал он.

Ду Чжэн спросил:

— Молодой господин, не напишешь ли письмо домой?

Хо Линьфэн покачал головой, что писать? Сам навлек на себя беду, был брошен любимым человеком, воспоминания о прошлом не дают покоя, сын в горе и страданиях... Он задумался, очнувшись, увидел на бумаге три иероглифа: Жун Лоюнь.

— Дурак, — он произнёс растерянно. — Жун Лоюнь больше не любит меня.

Ду Чжэн утешил его:

— Молодой господин, не печалься, если он не хочет тебя, найдётся много других.

Хо Линьфэн положил кисть:

— Но я хочу только его, больше никого не хочу.

Он встал и подошёл к двери, глядя на дождь во дворе.

— Я сам виноват, я заставил его страдать.

Куда девался уверенный в себе молодой господин, Ду Чжэн чувствовал боль, не находя слов

для утешения.

— Молодой господин, поешь что-нибудь, поспи.

Он стал стелить постель.

— Это только что произошло, может быть, завтра Жун Лююнь успокоится и помирится с тобой.

Хо Линьфэн подумал, правда? Жун Лююнь действительно простит его?

Он послушно лёг спать, как утопающий, хватаящийся за соломинку, мечтая, что завтра Жун Лююнь помирится с ним.

Ду Чжэн вздохнул, поставил табурет у двери и сел на него, как в резиденции маркиза. Он был в замешательстве, молиться ли о том, чтобы его господин и Жун Лююнь снова были вместе, или о том, чтобы они разорвали отношения?

Ладно, посмотрим завтра.

Хо Линьфэн проспал весь день и всю ночь, проснувшись в пять утра, дождь уже прекратился.

Он умылся, переоделся, надел форму с узкими рукавами и вышел, поехав на лошади к лагерю у подножия горы Лэнсан. В лагере было тихо, солдаты всё ещё спали, он ворвался через ворота.

С кнутом в руке, в сапогах, он зашёл в палатку и стал поднимать всех криком.

В одно мгновение весь лагерь застонал, все бросились на плац. Хо Линьфэн поднялся на трибуну, ударил кнутом, но его голос был лёгким:

— Поздоровайтесь.

Солдаты поспешно отдали честь:

— Приветствуем генерала Хо!

Хо Линьфэн оглядел их:

— Я на Сицянълине уже давно, но только сейчас встречаюсь с вами.

Он подошёл к краю трибуны, слегка прищурившись.

— Уже пять утра, но никто не встал на утреннюю тренировку, по правилам полагается двадцать ударов палкой.

Все замерли, как стая перепелов.

— Тогда, — он сказал, — каждый получит тридцать ударов, те, кто ночевал вне лагеря, — сорок, те, кто играл в азартные игры, — пятьдесят, а командиры, которые не справляются со своими обязанностями, — шестьдесят.

Сказав это, он спрыгнул с трибуны, оставив всех в шоке.

[Примечания к главе отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16167/1449392>